

В дороге

1.

Скупые степные красоты—
Похожие все до зевоты,
С холмами по всей территории,
Зовущими к тайнам истории.

Красоты скупые степные—
Как календари отрывные,
Где—мало, и самое главное,
Где каждая линия—плавная.

Степные красоты скупые,
Столбы—словно копья тупые,
Поля и долины опрятные
И речки, в оврагах запрятанные...

2.

Дороги в Сибири—
Не лучшие в мире,
Не уже, не шире,
Но жутко трясёт.

Дороги в Сибири—
Не плитка в квартире.
Езда—харакири,
И как повезёт.

Дороги в Сибири—
Пороки цифири,
То три, то четыре—
Поди разбери.

Дороги в Сибири—
Что дырки на сыре.
При всём монплезире:
«Тьфу, чёрт побери!»

Вся роща, светом залитая,
Сверкает в пёстрой бахrome.
Такая осень золотая,
Что будто бы не быть зиме.

И ветра нет, и смолкли птицы,
И кажется, что будет длиться
Всё это, как цветные сны,
Отныне—до весны...

2018, осень...

Сад усыпан разменной медью опавшей листвы.
Как недорого, право же, яркость осенняя ценится,
Потому что пройдёт две недели—и всё переменится,
И в саду ни гроша не оставит зима нам, увы.

А пока на берёзах и клёнах сверкают мониста.
Все деревья в саду опустевшем притихли пречисто,
Лишь звенит многозвучно, в тиши отвечая шагам,
Эта россыпь монет, словно вольная жертва на храм.

Сон

Как мне хочется целовать эти пыльные губы
И запылённые волосы трогать руками...
Мы куда-то идём. Мы кому-то чужды и нелюбы.
Это общее дело себе мы придумали сами.

Но оно—только повод, чтоб вместе отправиться всеу,
Но оно—лишь причина, чтоб стать немного болтливее.
Я смотрю на пыльные губы, мечтая о поцелуе,
И запылённых волос не вижу вокруг ничего красивее...

Два посвящения ноябрю

1.

На благородном светло-сером фоне
Лишь пятна охры да багрянец ржавый.
Цветами флага Осени державной
Приветствует Ноябрь, воссев на троне.

И я в ответ: поклон тебе, владыка!
Владычествуй до северных метелей!
Твоя пора бывает многолика,
Но, право, не скучна, на самом деле...

2.

Снег повалил, пушистый, белый...
Зима ли это, не зима?
Ноябрь молодой, незрелый
И будто бы сошёл с ума.

Он город снегом посыпает,
Он как декабрь поступает—
Но осени не вышел срок,
Она ещё—в аллеях парка,
В листве берёз, что светят ярко,
Ложась под ноги у дорог.

Смерть Гумилёва

Сейчас расстрел. И всё закончится.
В оконце брезжит тусклый свет.
Знобит. И закурить так хочется.
Открылась дверь:
— Кто здесь поэт?

Кто Гумилёв?— звучит сурово.
Но он не потерял манер.
— Здесь нет поэта Гумилёва.
Здесь только русский офицер!

За храбрости в боях отмеченный,
Лишь офицером мог остаться.
Поссорившийся из-за женщины,
Он на дуэль ходил стреляться.

Первопроходец, путешественник,
Видавший тигров и пантер...
Бесстрашье—это так естественно,
Когда ты русский офицер.

Он курит как бы между делом,
Не прекращая улыбаться
И палачей перед расстрелом
Собой заставив восхищаться.

Век двадцать первый—
Возраст стервы,
Вдруг заявившей о правах.
На взводе нервы:
Гром Миневры
Пугает эхом в облаках.

Век двадцать первый.
Где резервы?
Где силы, чтоб нести свой крест?
И не шедевры,
А консервы
Все перевозносят до небес.

Век двадцать первый,
Чрезмерный.
Всё на «на грани», а за ней
Ест кто-то
бутерброд кошерный,
А кто-то— жареных червей.

Век двадцать первый,
Эфемерный...
Мы все живём и не живём...
И кто тот верный
И примерный,
Кто «ввидет в благодатный дом»?

● ● ●
Есть в солнце осеннем особое что-то,
Не свет, а сияние, как позолота.
Оно не печёт, нет тепла в нём ничуть,
Лишь золото льётся, как жидкая ртуть.

Всё в золоте, прочих цветов не видать...
Есть в солнце осеннем своя благодать.

● ● ●
Когда наследство разметят—
Всё то, чем владели предки,
О чём они петь любили,
Чему поклоняться могли,—

Кому достанется ветер,
Что рвётся, ломая ветки,
И носит облако пыли
У самой земли?

Кто станет его владыкой,
Чтоб думать о нём и печься?
Кто будет его наставником,
Чтоб знал он, где правда, где ложь?

Натурою ветра дикой
Кому б другому увлечься,
А мне оставьте романтика—
Нешумный дождь.

● ● ●
История из шума уличного
Заходит без звонка и стука.
Словами анекдота бубличного
Приветствует как друга.

Присев к столу без приглашения,
Как гость, что не был зван к обеду,
Испытывает мне терпение,
Ломая всю беседу.

Не принимая возражения,
Что я не рад её визиту,
Навязывает отношения
И дерзко, и открыто,

В лицо смеётся, если спорю я:
Смотри, сбываются приметы!
Ты сам теперь уже история—
Читай газеты!